

# СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

## НЕ ТОПАТЬ ЦВЕТЫ!

Омский тюз любят в городе. Ему первому построили великолепное современное здание. Можно смело сказать, что сегодня ни один детский театр Сибири не имеет подобного помещения.

Каждый вечер оживленная волна захлестывает зрительный зал. Я попала на премьеру «Дождь лил как из ведра». Может быть, конфликт спектакля и не очень нов. Пьеса М. Шатрова и А. Хмелина рассказывает о ребятах из 7 «А». Самых дружных, самых умных, самых честных, самых веселых... Идет спектакль, и выясняется, что не так уж все хорошо обстоит в этом классе. Благополучие оказалось чисто внешнее.

И невольно напомнил мне этот спектакль о еще более серьезном конфликте, который происходит сегодня за кулисами театра, в коллективе тюза. Я сказала коллективу, но это неточно. Нет уже здесь никакого коллектива, как мы его привыкли понимать. Есть отдельные группы, остро конфликтующие между собой.

Когда писались эти строки, уже был издан приказ по областному управлению культуры, которым освобождены от работы главный режиссер О. Рудник и директор театра В. Федорова. Казалось бы, все сделано для того, чтобы оздоровить обстановку. И, может быть, действительно не стоит ворошить прошлое, как убеждали меня в Омске? Думаю об этом, а перед глазами проходят люди, с которыми встречалась и говорила. И понимаю — писать надо, надо для того, чтобы уроки этой горькой истории пошли впредь, и, может быть, не только Омскому тюзу. Сегодня названы и наказаны два основных виновника — директор и главный режиссер, но, думается, не только они одни несут ответственность за создавшуюся ситуацию.

...Трудно уже восстановить все ступени нарастающего конфликта, который начался между руководителями театра, а потом раскол коллектива. О днях полного взаимопонимания рассказывает лишь трогательная легенда о яблоках. Ими когда-то бывший директор Вера Константиновна до-матерински

угощала бывшего главного режиссера. Увы, яблоки остались только в воспоминаниях о счастливом прошлом, которое было всего два года назад.

Я сижу в кабинете В. Федоровой, и она тихим голосом, все время беспокойно поглядывая на дверь, разворачивает длинный список претензий к главному. Капризен и высокомерен — заставил ее два или три раза меняться гриммами. Неровно относится к труппе: вывел ведущих актеров из состава художественного совета; ставки повышает только «своим». Мало думает о театре — уехал в Ленинград на две с лишним недели и ни разу не позвонил, не узнал, как идет работа. Спектакли разваливаются, а он сидит дома и грустит над инсценировкой. Сделала ему замечание, стал приходить на работу, засидел в кабинете и одним пальцем перепечатывает написанное...

У Олега Львовича, в свою очередь, претензии к В. Федоровой. В театре Вера Константиновна человек случайный. В специфиче театральное производство за четыре года так и не разобралась, и труппа ей этого не прощает. К тому же слабохарактерна. Представьте, директора, как постороннего человека, попросили удалиться с заседания местного комитета!

Знали ли в областном управлении культуры о несработанности главного и директора? Пытались ли призвать двух руководителей коммунистов к порядку? Знали! Начальник областного управления культуры Н. Бревнов неоднократно беседовала, убеждала их вместе и по отдельности. Но уж, видимо, слишком велика была на первых порах вера в творческие потенции главного и в то же время не хотелось обижать директора, своего выдвигенца.

Еще год назад в управлении культуры отдавали себе отчет, что в театре неладно. Четыре спектакля, поставленные О. Рудником, не поднимались, как говорится, над заурядным уровнем. Сказку о короле Матигуе плохо приняли не только зрители, но и сами исполнители. Видели, что и с труппой у О. Рудника не ладилось. Восстановил

против себя ведущих актеров. Но надеялся, что пригрозит, найдет себя...

Пока ссоры между директором и главным происходили при закрытых дверях, в труппе была хоть видимость порядка. Потом тайное стало явным. А тут одна за другой посыпались творческие неудачи. Много надежд возлагали в театре на спектакль «Спартак» (автор инсценировки и режиссер Л. Стукалов), но, к сожалению, спектакль оказался с идейными и художественными просчетами. Пришлось временно, для доработки, его законсервировать. Не получился у Л. Стукалова и второй спектакль, «Сказки Пушкина». Что случилось, в театре такое случается, от неудач никто не застрахован. Но дело в том, что Л. Стукалов появился в Омске вместе с О. Рудником и оба весьма самонадеянно продекларировали свою программу труппе — приехали делать европейский театр. При этом режиссеры не всегда уважительно относились к традициям коллектива, к тому, что было сделано в тюзе до них. Наверное, именно поэтому им не могли простить неудач.

И тогда в областном управлении культуры уже всерьез задумались, стоит ли держаться за главного? Посоветовались с В. Федоровой, а она об этом, еще не принятом решении поспешила объявить в театре. И тогда слепая стихия захлестнула коллектив. Начались скандалы, посыпались анонимки, в театр зачастили комиссии.

Вся лихал неприязнь, все ссоры, погашенные когда-то работой, весь мусор, все вывернулось наизнанку и выплеснулось для всеобщего обозрения. Казалось бы, фактам аморального поведения нет и не может быть двойственного толкования. Но даже по поводу очевидных вещей руководство не могло выработать единого мнения.

Не на высоте оказалась и партийная организация. Заместитель секретаря В. Краско не одно полено подобрал в костер вражды между главным и директором. Коммунисты понимали, что происходит неладное, Г. Жильцов: «В театре нет коллектива... всем на все наплевать». Э. Крейтор: «В наших спектаклях было много

хорошего, а потом вдруг все начало расползаться». Однако и они не добились оздоровления атмосферы. Более того, в стычки встретили выступление директора на последнем партсобрании. Она говорила о недостатках в воспитательной работе, о беспорядке, которое ей внушают творческие дела в коллективе, о производственной дисциплине... Конечно, Вера Константиновна правильнее было бы посчитать ответственной за все эти срывы в первую очередь себя. Она администратор, и выступления в роли «человека со стороны» было бы меньшей мере неуместно. Но и коммунистам надо было сказать: да, товарищи, мы проморгали. Партийная организация не дала принципиальной оценки положения в театре, не сумела возгласить здоровые силы коллектива, не одернула зарвавшихся, притерпелась к межлобосообщие. Не партбюро руководило положением, а стихия неурядиц влекла его за собой, втянула в беспринципную волю.

Много причин у этой истории. Очевидно, областное управление культуры должно признать, что в подборе директора крупного творческого коллектива был допущен существенный просчет. В. Федорова не обладала ни знанием театральной специфичности, ни административной гибкостью, ни силой характера, которые позволили бы ей возглавить сложный участок. Стоит вспомнить и другое. Назначая на должность, В. Федорову предупредили, чтобы занималась хозяйственными делами, а творческими — ни-ни. Не этим ли изначально был заложен элемент неуважения к директору? Сильный человек может пройти через это испытание, изучит досконально новое дело и завоевать уважение. Вера Константиновна не смогла, надломилась.

Искусство творчески руководить театром заключается и в способности сегодня создавать условия для завтрашних успехов, уметь увлечь и повести людей на достижение больших творческих целей. Будь у О. Рудника серьезный художественный багаж, крупная творческая цель, ему, бесспорно, удалось бы сплотить коллектив. Люди смогли бы пережить через предубеждения, обиды, конфликты... Но не было такой цели, не проглядывалась вперед творческая вершина.

Вот и случилось так, что директор, режиссура, партийная организация, местный комитет тянули в разные стороны. И эту несообразную

ситуацию руководители района, города, люди, ответственные за театр, просмотрели. Пропустили момент, когда она превалила за критическую черту. И встали перед фактом, когда в театре наметилась опасная деформация критериев оценки. Место объективности и принципиальности все больше занимала принадлежность к «своим» и «чужим», расчет на поддержку любыми средствами.

Сейчас трудно взвесить меру ответственности каждого, потому что формально все что-то предпринимали. Куйбышевский райком партии направил в марте комиссию, и та констатировала неблагоприятное в коллективе. Областное управление культуры тоже вроде бы не дремало. Но когда в театре одно за другим посыпались ЧП, оказалось, что действенной помощи коллективу не оказал никто. Все чего-то ждали...

Поучительный случай, который показывает, что говорить о здоровой творческой обстановке гораздо легче, чем создавать ее. Только в коллективе, нравственные принципы которого шатки, может случиться такая история. В острых, критических ситуациях проявляется истинная ценность людей. Просчеты этического воспитания коллектива, проявившиеся столь ярко сегодня, надо искать в прошлом. Значит, еще тогда, когда в театре царил благополучие, оно было видимым. Нравственные нормы вырабатываются не в один день и в один день не рушатся. Вот чем поучителен этот случай в Омском тюзе. Здесь оказались преданы забвению слова К. С. Станиславского: «Чтобы урегулировать между собой работу многих творцов и сберечь свободу каждого из них в отдельности, необходимы нравственные начала, создающие уважение к чужому творчеству, поддерживающие товарищеский дух в общей работе, оберегающие свою и чужую свободу творчества и умеряющие эгоизм и дурные инстинкты каждого из коллективных работников в отдельности».

Твердые нравственные начала — без них не может существовать искусство. Если этого нет, то возможными становятся истории, подобные омской.

В тюзовском спектакле «Два клена», во вальсах Бабы Яги висит плакат «Цвета топят!» Так долгое время топтали былую славу коллектива сами артисты театра. И не нашлось того, кто потребовал бы: «Остановись! Что вы делаете, товарищи!»

О. АЛЕКСАНДРОВА,  
наш спец. корр.  
ОМСК.